

И обида Линь Саня была вполне обоснованной! Другие попаданцы становятся либо сыновьями знатных родов, либо богатыми наследниками, а он? Едва открыл глаза — и уже на тюремных нарах!

Одна камера на восьмерых. Трое за побои, двое за финансовые махинации, один за организацию проституции и один за пропаганду секты. И что самое важное — все они в один голос звали его «боссом». Линь Сань тогда перепугался, решив, что его срок — пожизненный. Кое-как дождался освобождения, а на воле обнаружил, что он не только гол как сокол, но еще и обвешан «прицепами» в виде детей.

Бросить их — совесть не позволяет. А заботиться — значит тащить на себе гору чужих грехов. Обиду и горечь от этого положения было не передать словами!

Линь Сань очень хотел рассказать Сяо Тинланю правду. Но как? Просто заявить: «Ты ошибаешься, на самом деле я попаданец»? Чушь.

Сяо Тинлань на сто процентов посмотрит на него с презрением и скажет: «Уж лучше бы соврал, что память потерял!»

Понурился, Линь Сань потер руки и дрожащим голосом произнес:

— Одно к другому не относится. Не переводить тему. Скрывать от меня ребенка — это твой косяк!

Сяо Тинлань вскинул бровь и хмыкнул:

— Что, хочешь, чтобы я перед тобой извинился?

— Да куда уж мне, — Линь Сань вздернул подбородок, глаза его снова покраснели, и он мгновенно вошел в образ:

— Всё равно ты меня не ценишь, не любишь и в любой момент готов выбросить. Хе-хе... я всё понял... Ребенок нужен, а муж — нет. Решил оставить дитя, а папашу за борт? Сяо Тинлань, сразу видно, что ты за границей рос, мыслишь прогрессивно!

Сяо Тинлань глубоко вздохнул. Глядя на эту скользкую и наглую рожу Линь Саня, он почувствовал, как у него снова зачесались ладони. Видимо, почувствовав опасную атмосферу, Тунь-тунь на руках у Сяо Тинланя внезапно нежно позвал:

— ПАПА?

Линь Сань услышал этот голос, и его внимание мгновенно переключилось. Заметив это, Сяо Тинлань почувствовал легкое смущение и неловко произнес:

— Его зовут Тунь-тунь.

— Я знаю, — Линь Сань кивнул.

— Этот ребенок был зачат, когда мы были в Хайчэне, верно?

Сяо Тинлань промолчал.

Линь Сань вздохнул:

— Возраст, пол... ты всё подделал. Чтобы не вызвать у меня подозрений, ты действительно приложил немало усилий!

Услышав это, Сяо Тинлань мгновенно нахмурился:

— Когда это я что-то подделывал?

«Как это "когда"?» Линь Сань сказал:

— Ты говорил, что у тебя сын, а на самом деле это прекрасная маленькая принцесса.

Лицо Сяо Тинланя тут же потемнело:

— Что у тебя со зрением? Тунь-тунь — мальчик!

— Врешь! Как такой красивый малыш может быть мальчиком? К тому же у нее длинные волосы и бантики завязаны!

— Тунь-тунь с рождения был слаб здоровьем. Дядя Фу сказал, что если одевать его как девочку, это поможет отвести болезни и несчастья. — Сяо Тинлань и сам тогда был как в тумане, раз действительно на это согласился.

«Невозможно! Как такой прелестный ребенок может быть не дочкой?» На лице Линь Саня отразилось полное недоверие, он выглядел так, будто получил тяжелый удар. Однако благодаря этой перепалке атмосфера между ними наконец нормализовалась: Линь Сань перестал придирается, а Сяо Тинлань в какой-то мере признал свою неправоту. Тогда Линь Сань подошел и обнял их обоих — и взрослого, и ребенка.

— Прости, — сказал он.

— Тебе наверняка пришлось несладко, когда ты рожал Тунь-туня. Это всё моя вина.

Сяо Тинлань поджал губы и ничего не ответил. В этом и заключалась главная хитрость Линь Саня: он всегда знал, когда нужно проявить мягкость, чтобы задобрить партнера.

За дверью. Секретарь Нэнси изо всех сил прижимала ухо к замочной скважине, пытаясь подслушать, что происходит внутри. Хм, довольно тихо, вроде не разругались?

На самом деле «супруги» не только не поссорились, но и стали еще ближе, помирившись сами собой. Во всяком случае, когда эта семья из трех человек вышла из комнаты, они выглядели вполне гармонично.

Этой ночью Линь Сань остался ночевать, а Тунь-тунь спал между ними. Малыш был одет в розовую ночную сорочку. Он доверчиво и тесно прижался к... груди Линь Саня.

Линь Сань был до глубины души тронут: «Неужели это сила крови?»

Нет, он просто инстинктивно нуждался в твоих успокаивающих феромонах.

Линь Сань продолжал легонько похлопывать Тунь-туня по спине и не удержался, чтобы не сказать Сяо Тинланю:

— Ты можешь не поверить, но на самом деле я только недавно узнал, что такое АВО.

Сяо Тинлань подумал: «Конечно, я верю. Потому что ты — глупый пес».

Линь Сань:

— На днях я тайком сходил в больницу провериться, и врач сказал мне, что я — Альфа. Эх, я и сам не знал, когда я им стал. — Когда оригинал попадал в тюрьму, он проходил медосмотр, и тогда он на сто процентов был обычным мужчиной. Поэтому Линь Сань теперь серьезно подозревал, что из-за его «попаданчества» заодно изменилась и физиология. Но еще больше Линь Саня расстраивало то, что врач сказал: если в семье есть Альфа, это значительно повышает шансы на дифференциацию у окружающих.

Черт, теперь Линь Сань даже подозревал, что в превращении Ван Яо в маленькую Омегу есть и его вина.

— А ты? Когда ты узнал, что ты Омега?

Сяо Тинланю не очень хотелось продолжать эту тему, но так как мужчина настаивал, он в конце концов уклончиво ответил:

— Очень рано.

— Насколько рано? — Врач говорил, что обычные люди проходят дифференциацию около восемнадцати лет. Но бывают и те, у кого это выявляют сразу после рождения.

— Где-то в три-пять лет.

«Так рано?» Линь Сань с некоторым сомнением спросил:

— Слушай... а наша совместимость очень высокая?

«Обычная, всего-то около 99%». Сяо Тинлань слегка прикрыл глаза, ничего не ответив.

— Последний вопрос, — сказал Линь Сань.

— Тунь-тунь ведь тоже... тоже Омега? — В конце концов, ребенок выглядел таким красивым, таким хрупким и чистым, словно ангел. Однако...

— Нет, — голос Сяо Тинлани на мгновение замер, а затем он с довольно странным выражением лица добавил:

— Напротив, Тунь-тунь — Альфа.

«Хоть я нежный, мягкий и мимимишный, это не мешает мне быть маленьким "А"». Как говорится в старой поговорке: «Кавайный тоже может быть топом!»

Услышав это, Линь Сань мгновенно остолбенел. Он с недоверием посмотрел на прижавшегося к нему малыша, который спал с невинным видом...

И вот это? Альфа?

Того же «вида», что и он сам?

Разве все «А» не должны быть суровыми мужиками?

Похоже, этой ночью Линь Саню суждено было не сомкнуть глаз.

Линь Сань провел с Сяо Тинланем и Тунь-тунем семь дней подряд, а затем выкроил время, чтобы вернуться домой, так как вернулись Ван Яо и Цинь Чжи.

— Что? Ты передумал брать академ? — Линь Сань нахмурился, демонстрируя недовольство.

Ван Яо и Цинь Чжи переглянулись. Цинь Чжи сказал:

— Мы не отказываемся, просто временно откладываем. Срок у А-Яо еще маленький, когда живот станет больше — тогда и уйдет. И еще — мы планируем жить вместе вне кампуса, уже нашли квартиру... — Цинь Чжи привык подрабатывать, к тому же он был отличником, участвовал во многих конкурсах и получал неплохие призовые, так что деньги у него были.

— Глупости! — отрезал Линь Сань.

— Ты хоть знаешь, как заботиться о беременном Омеге?

— Я не знаю, но я научусь, — позиция Цинь Чжи была твердой, и он привел веский аргумент:

— Я уже спрашивал у врача. Пока ребенок в утробе, ему нужно присутствие отца для успокоения феромонами, поэтому я обязан быть рядом с А-Яо.

Линь Саню казалось, что эти двое витают в облаках, однако они были настроены крайне решительно. Словно говорили: «Своего ребенка мы вырастим сами».

<http://bllate.org/book/16514/1504134>